

Из истории изучения лезгинского языка

*Гайдаров Раджидин Идаятович
профессор ДГУ,
доктор филологических наук,
заслуженный деятель науки РФ и ДАССР*

Зачинателем научного изучения лезгинского языка является **Петр Карлович Услар**, автор монографии "**Кюринский язык**", над которой он работал в 1867-71 годах, а опубликовал в 1896 году.

Книга открывается азбукой, составление которой следует считать особым научным достижением автора. Услару удалось разобраться в звуковом составе лезгинского языка, который он называет кюринским. Научно верно составленная азбука позволила автору точно передать звучание иллюстрированных примеров и текстов. На основе азбуки Услара Казанфербег из Мамрача выпустил первый лезгинский букварь. Азбука Услара и букварь Казанфербега показали, что русскую графику можно использовать для создания письменности на других языках. Азбука Услара справедливо считается прообразом нынешних алфавитов дагестанских и ряда других языков, на которые эти языки перешли в 1938 году.

Перед изложением структурных особенностей лезгинского языка в книге приводятся некоторые сведения о языке и его носителях (количество дворов, пограничные лезгиноговорящие населенные пункты, количество наречий и некоторое др.), определено на основе какого наречия проводится исследование и почему, даны краткие особенности, отличающие ахтынское наречие от кюринского, дается пояснение почему он называет язык кюринским, наконец предпринята попытка объяснить происхождение ойконима "**Ахты**".

Описание структуры языка начинается с фонетики, а именно с определения звукового состава. Устанавливая состав с определения гласных и согласных звуков, характеризуя каждого из них по вокальным и артикуляционным параметрам, автор отмечает также и то, что сближает и чем отличается рассматриваемый звукотип от аналогичного звука ранее изученных им языков, в частности аварского языка. Отмечаются автором и определенные фонетические явления, и особенно подробно, со множеством примеров описаны чередования согласных (в разделе "Морфология").

Грамматику лезгинского языка П. К. Услар излагает своеобразно и весьма скрупулезно. Здесь автор впервые установил количество падежей, сгруппировал их с учетом семантики и функций, нашел наиболее удобный способ их обозначения. Следует отметить, что до сих пор никто из занимавшихся лезгинским языком ученых не может предложить что-либо более подходящее. Не менее удачно описал автор систему глагола с помощью вспомогательных глаголов -да и -я. Читая труд Услара, легко представить себе наиболее яркие черты глаголообразования, а также способы образования и обозначения характерных для данной части речи грамматических категорий времени, лица, наклонения, а также отрицания и запрета.

Большую ценность для лезгиноведения представляют приложения к названным выше двум разделам.

Здесь, прежде всего, следует отметить тексты сказок и пословиц, выполненные на уровне научной транскрипции. Текст же сказки "Лиса и волк", записанный на ахтынском диалекте, представляет собой первую диалектологическую запись по лезгинскому языку. Научное значение включенного в монографию текстового материала увеличивается по мере отдаления с момента написания книги. Ведь в них сохранился подлинный, научно достоверный образец лезгинской речи, записанный более 130 лет назад.

Особое место в труде Услара занимает **лезгинско-русский словарь** (1500 слов). В словаре не только передается доминантное значение переводимой лезгинской лексемы, но и содержится толкование основных наиболее обиходных оборотов и фраз, содержащих переводимое слово. Данная особенность делает словарь Услара первым и своеобразным переводно-толковым лексиконом лезгинского языка.

Следующая большая работа, посвященная лезгинскому языку, - это "**Грамматика лезгинского языка**" (Махачкала, 1941) проф. **Л. И. Жиркова**. Труд Жиркова резко отличается от "Кюринского языка" Услара. Во-первых, здесь использован более обширный языковой материал (работа Услара; периодика; первые школьные учебники лезгинского языка и др.), во-вторых, у автора совершенно иная цель, он не обобщает добытые им новые сведения и факты лезгинского языка, а, теоретически осмысливая то, что известно, на высоком уровне и предельно сжато излагает их грамматическую суть. Ни излишних рассуждений, ни научной полемики здесь нет.

Новым и наиболее интересным в "Грамматике" Жиркова является следующее:

1. впервые названы пять диалектов лезгинского языка;
2. сделана первая попытка выделения фонем в звуковом составе языка;
3. особым образом систематизированы консонантные звукопереходы (чередования), определены их типы по принадлежности звуков к тем или иным разрядам, а также по результатам соответствия. Однако объяснения причин чередований на фонологическом уровне или с точки зрения закономерностей лезгинской комбинаторики здесь нет;
4. особое внимание в книге уделено законам лезгинской акцентуации (у Услара безукоризненно точно отмечался ударный слог, который, по его мнению, может быть в слове любым по счету);
5. при изложении словоизменения имен и глагола автор делает акцент на то, от какой основы они образуются, и образуемые структуры иллюстрирует соответствующими схемами и таблицами;
6. падежи автор обозначает латинскими названиями, а падеж, названный Усларом творительным, именуется эргативным. Однако это было непростым переименованием, называя данный падеж эргативным или же активным, автор подчеркивает наличие в лезгинском языке так называемых активных глаголов. Это было большим новшеством, затрагивающим как морфологию имен и глагола, так и синтаксический строй языка, и не только лезгинского.

В своей книге Л. И. Жирков особо выделил раздел о грамматическом строе лезгинского языка, где делается попытка установления его типа путем определения отношений строя языка к флективности и агглютинации. Автор приходит к выводу о диффузности строя лезгинского языка.

Данный раздел книги Жиркова был подвергнут критике в период борьбы с марризмом в языкознании. Однако главное здесь заключалось не в том, что автор не отошел от установок так называемого нового учения Марра, а в том, что автор не смог убедительно показать не только характерные особенности лезгинского словообразования и словоизменения, но также и то, как и конкретно в каких случаях флективность и агглютинация взаимодополняют друг друга и совместно составляют основной тип строя лезгинского языка.

При всех упущениях и малом объеме "Грамматика лезгинского языка" Л. И. Жиркова сыграла существенную роль в развитии лезгинского языкознания, она, как и рассмотренная выше монография П. К. Услара, не утратила свое научное значение и в наши дни.

Особенно значительное и почетное место в истории изучения лезгинского языка принадлежит **Магомеду Магомедовичу Гаджиеву**, заложившему основы ряда новых отраслей и направлений в исследовании лезгинского языка, принявшему активное многостороннее участие в языковом и общекультурном строительстве лезгинского народа в 1930-50-х гг. Всего лишь за 20 лет деятельности на указанном поприще М. М. Гаджиеву удалось осуществить многое:

1. выработку и внедрение в языковую практику нового алфавита на русской графической основе, а также орфографических установок перехода письменности на новую графическую основу (1938);
2. составление первых терминологического и орфографического словарей (1940-41);
3. создание учебников для национальной школы почти по всем годам обучения в семилетней школе;
4. активное участие в подготовке и повышении квалификации учителей лезгинского языка;
5. подготовку научных кадров через аспирантуру и др.

И все сказанное он делал, одновременно являясь руководителем сектора дагестанских языков и литератур Института ИЯЛ Даг-филиала АН СССР.

Магомед Магомедович Гаджиев

Однако основные свои усилия и время М. М. Гаджиев как ученый отдавал титаническому труду исследования синтаксиса лезгинского языка. Он оставил нам две

большие монографии по синтаксису, ставшие классическими.

М. М. Гаджиев - составитель **"Русско-лезгинского словаря"** (35000 слов), ставшего настольной для многих ученых, учителей и учащейся молодежи, работников средств массовой информации.

Словарь Гаджиева сыграл огромную роль в культурной жизни народа. Работу по лексикографии М. М. Гаджиев продолжал до последних дней жизни: составив программу, он приступил к написанию лезгинско-русского словаря, работу над которым после его смерти продолжил Б. Б. Талибов.

В последние годы жизни, несмотря на ухудшившееся здоровье, М. М. Гаджиев взялся еще за одну многотрудную работу: изучение лезгинских говоров, находящихся на территории Азербайджана. Эту работу ученый завершил написанием монографии **"Кубинский диалект лезгинского языка"**.

Отмечая важные научные результаты М. М. Гаджиева в изучении лезгинского языка, нельзя не указать еще на одну грань деятельности этого неутомимого человека. В течение всех лет работы в Институте ИЯЛ он был как бы универсальным консультантом по самым различным вопросам культурной жизни народа, он сыграл большую роль в собирании и публикации поэтического наследия ряда поэтов, в том числе Е. Эмина, С. Стальского и др. Им написано большое количество научных статей и развернутых предисловий к сборникам этих поэтов.

М. М. Гаджиев не замыкался в рамках лезгинского языка и литературы, он выступал с докладами на конференциях и научных сессиях по дагестанским языкам и литературам, опубликовал по ним множество научных статей как в республиканских, так и в центральных изданиях.

Завершая разговор о деятельности М. М. Гаджиева, хочется отметить, что дагестанское языкознание и литературоведение в целом, а также те области науки, которым М. М. Гаджиев придавал особое внимание, к настоящему времени значительно продвинулись вперед: расширилась их тематика, выросли количество и научный уровень исследователей, ими опубликовано множество больших и малых работ, получивших положительную оценку и признание как в Дагестане, так и за его пределами. Уже в течение многих лет успешно функционируют специальные факультеты и кафедры, призванные готовить кадры по дагестанским языкам и литературам.

Во всех этих достижениях наряду с именами таких зачинателей дагестанской национальной филологии, как Ш. И. Микаилов, Е. А. Бокарев, М.-С. Д. Саидов, С. Н. Абдуллаев, Г. Б. Муркелинский, А.-Г. Н. Батырмурзаев ярко сияет и имя М. М. Гаджиева, оставившего заметный вклад в науку, показавшего пример беззаветного труда во имя своего народа и республики.

Вслед за М. М. Гаджиевым на ниве лезгинского языкознания успешно работали и трудятся сейчас доктора наук У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов, Ш. М. Саадиев, А. Г. Гюльмагомедов, Н. Д. Сулейманов, а также более десяти кандидатов наук, каждый из которых считает за честь признать благотворное влияние трудов М. М. Гаджиева на свои научные труды. Особо благодарен и признателен ему автор этих строк, который был у него студентом, аспирантом и коллегой.